

УДК-324:328(470+571)

**МЕТОДИКА АНАЛИЗА КОНКУРЕНТНОСТИ НА МЕСТНЫХ
ВЫБОРАХ В ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВЛАСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ «МАЛЫХ ГОРОДОВ»
ПЕРМСКОГО КРАЯ)¹**

В. С. Ковин, Р. И. Петрова²

С помощью методики расчета эффективного числа партий/кандидатов в статье анализируется уровень конкурентности на местных выборах. В фокусе исследования находятся промышленные «малые города» Пермского края: Лысьва, Губаха, Чусовой, Соликамск. Проводится корреляция между количественными и качественными показателями конкуренции кандидатов/партий на выборах.

Ключевые слова: конкурентность; эффективное число партий; местные выборы; промышленные малые города.

В последнее время много говорилось о том, что реальная политическая конкуренция (соревновательность) на российских выборах сохранилась преимущественно на местном, локальном уровне политики [8]. Долгое время, в русле процессуальной концепции демократии Й. Шумпетера и его последователей, конкуренция на выборах считалась ключевым признаком демократии [1] и нашла свое отражение в различных рейтингах демократичности стран [3] и регионов [10]. Однако современные политические реалии постмодернистского и посткоммунистического мира, в том числе и российские, внесли в это представление существенные коррективы. Электоральная конкуренция (как соревнование элитных групп на выборах) присуща в той или иной степени самым различным политическим режимам. Признавая важность анализа степени участия граждан в борьбе за власть и в распределении ресурсов для характеристики политического режима, в том числе и на локальном уровне, в рамках данной

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 16-46-590376 "Депутатский корпус локальных legislатур в Пермском крае: основные характеристики и типологические образы".

² Ковин Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН. E-mail: kovinvit@gmail.com.

Петрова Регина Игоревна - магистр политологии, старший лаборант-исследователь отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского научного центра УрО РАН, ассистент кафедры политических наук ПГНИУ. E-mail: rance.regina@mail.ru.

© Ковин В.С., Петрова Р.И., 2016

статьи мы сосредоточимся именно на методах измерения конкурентности самих местных выборов.

Под локальным уровнем политики, прежде всего, подразумевается «уровень муниципальных образований (в соответствии с нынешним законодательством об МСУ – муниципальных образований второго уровня), т.е. средних и малых городов и сельских районов. Другими словами, речь идет о субрегиональном уровне власти, или о местной политике» [4]. Причем, сохранение конкуренции на локальном уровне зачастую преподносится как одно из проявлений специфики российского авторитарного режима (*электорального авторитаризма* [9], *гибридного режима* [17]), или как временное недоведение «вертикали власти» до местного уровня.

Представляется, что все происходит значительно сложнее. Характер политического процесса на локальном уровне, особенно отдаленном от крупных административных и политических центров, определяется не столько глобальными и общенациональными трендами, сколько соотношением социально-экономических частных и групповых интересов, сложившихся в местном сообществе. Естественная (в значительной степени этническая и/или клановая) и институциональная (преимущественно экономическая и административная) фрагментации местного населения создают объективную основу для конкурентной среды. Например, само по себе наличие в тех или иных муниципалитетах относительно крупных производств, являющихся одними из основных налогоплательщиков в местные бюджеты, на которых задействована некоторая часть местных жителей, стимулирует фрагментацию локального политического пространства на сторонников и противников усиления роли «промышленников» в осуществлении местного самоуправления. При этом, как показывает практика, даже если в т.н. «моногородах» градообразующее предприятие превращается в ярко выраженный доминирующий фактор, это далеко не всегда приводит к окончательному устранению политической конкуренции на местном уровне. Политико-административное доминирование градообразующих предприятий все-таки имеет свои объективные экономические и иные ресурсные ограничения. Это выгодно отличает российскую локальную политику от общенационального и регионального уровней, где намерение выстроить систему с доминирующей партией или какой-то иной силой, в большей степени опирается лишь на административные и субъективно-волевые возможности политических акторов. К тому же, региональные власти, стремясь сохранить управляемость территорий и контроль за ними, со своей стороны, не заинтересованы в полной монополизации местной политики экономическими субъектами.

Исследование местной политики, в том числе и электоральных процессов, доставляет различные методологические и методические сложности, свя-

занные с тем, что на локальную политику очень часто накладывается «большая политика», местные выборы нередко оказываются в тени более значимых общенациональных и региональных избирательных кампаний, подчиняются их задачам, повестке и логике. В этих условиях оценить специфику собственно локальных выборов, степень заинтересованности в них местных жителей, их конкурентность представляется достаточно сложно. Пермский край в этой связи является достаточно интересной площадкой для изучения специфики локальной политики и местных выборов.

Так сложилось, что в результате совпадения различных политико-административных процессов, происходивших на федеральном и региональном уровнях (конституционное увеличение срока полномочий российского парламента до 5 лет, объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа в единый субъект – Пермский край) с 2011 г. произошло совмещение выборов в Государственную думу и Законодательное собрание Пермского края. Затем, в мае 2012 г. произошло назначение нового губернатора Пермского края, в самый канун возвращения прямых выборов глав регионов. Это привело к тому, что на территории Пермского края с марта 2012 г., когда состоялись президентские выборы, и до единого дня голосования 2016 г. (*далее, ЕДГ-2016 и т.п.*), когда одновременно с выборами депутатов Государственной думы состоялись выборы депутатов Законодательного собрания Пермского края и Пермской городской думы, проводились исключительно муниципальные выборы [6]. Причем, в ЕДГ-2016 одновременно с «большими выборами» были назначены основные выборы представительных органов лишь в 25 муниципалитетах [5], не считая выборов депутатов в Перми. Таким образом, основная масса муниципальных выборов в Пермском крае прошла в единые дни голосования в период между 2012 и 2015 гг.

В ЕДГ-2012 14 октября 2012 г. состоялось голосование в 19 муниципальных районах Пермского края на выборах в органы местного самоуправления (всего 70 избирательных кампании различного уровня). В ЕДГ-2013 8 сентября 2013 г. прошло более 300 муниципальных выборов: в 6 избирательных кампаниях выбирались главы муниципальных районов, в 10 – главы административных центров районов, в 3 – депутаты Земских собраний районов, в 23 – депутаты районных центров, массово на более чем 250 основных выборах переизбирались главы и депутаты органов местного самоуправления городских и сельских поселений. Это была самая масштабная и напряженная избирательная кампания по местным выборам (в 2012, 2014, 2015 гг. проходило примерно 50-70 муниципальных выборов) – своеобразный «единый общерегиональный день голосования на местных выборах» по перевыборам органов муниципальной власти различных уровней в большинстве районов Пермского края. В ЕДГ-

2014 г. 14 сентября состоялось 35 основных выборов в органы местного самоуправления Пермского края. Наконец, в ЕДГ-2015 г. 13 сентября 2015 г., уже в отсутствие прямых глав МСУ, состоялось 44 избирательных кампании (из них 16 – это основные выборы депутатов, причем лишь 2 – выборы в сельских поселениях).

Таким образом, в период с ЕДГ-2012 по ЕДГ-2015 гг. в Пермском крае проходили исключительно местные выборы. В результате, массив электоральных данных [2] по участию кандидатов, партий и избирателей в муниципальных выборах в Пермском крае, позволяет опробовать на локальном уровне применяемые в политической науке, преимущественно к национальным и региональным выборам, методы оценки их конкурентности и демократичности. Данная ситуация позволяет выяснить, имеет ли «масштаб» выборов, проявляющийся, прежде всего, в численности зарегистрированных избирателей, значение для корректного использования этих методик, требуют ли они каких-либо уточнений.

К настоящему времени в электоральных исследованиях используется несколько методик оценки соревновательности выборов.

Обычно официальная статистика избирательных комиссий для оценки конкурентности избирательных кампаний оперирует средней численностью выдвинувшихся и зарегистрированных кандидатов на выборные должности, количеством участвующих партий, а также кандидатов-самовыдвиженцев. Активность избирателей измеряется средней явкой в единый день голосования. Официальные данные, которые обычно Избирательная комиссия Пермского края представляет вниманию прессы, для наглядности могут быть представлены в сводной табл. 1.

Таблица 1

Конкурентность и явка избирателей на местных выборах в Пермском крае в 2013-2015 гг.

Характеристики местных выборов	2013	2014	2015
Общее количество избирательных кампаний	314	54	28
Количество замещаемых депутатских мандатов и должностей глав МО	2400 депутата 79 глав МО	352 депутата и 10 глав МО	276 депутатов 0 глав МО
Выдвинуто, из них:	4939	1128	1017
выдвинуты политическими партиями	2052 или 41,5 %	610 или 54 %	634 или 62,3 %

Окончание табл. 1

Характеристики местных выборов	2013	2014	2015
Самовыдвиженцы	2887 или 58,5 %	516 или 46 %	383 или 37,7 %
Конкуренция на стадии выдвижения, в среднем кандидатов на одно место	1,9	3,19	3,68
Количество участвующих партий	13	7	8
Зарегистрировано кандидатов, из них:	4594 или 93 % от числа выдвинувшихся	953 или 85 %	828 или 80 %
от политических партий	2018 или 98,3 % % от выдвинутых партиями	591 или 97 %	588 или 96 %
самовыдвиженцы	2575 или 89,1 % % от числа выдвинувшихся	362 или 70 %	240 или 62,6 %
Кандидатам отказано в регистрации	345	175	189
Конкуренция в среднем на одно место по итогам регистрации, в среднем кандидатов на одно место	1,8	2,7	2,99
Средняя явка избирателей (основные выборы)	29,36 %	30,1 %	23,7 %

На основе этих усредненных данных можно выделить лишь некоторые краткосрочные тренды: сокращение числа выдвинутых и зарегистрированных кандидатов из числа самовыдвиженцев и относительный рост кандидатов от партий; сокращение количества партий, участвующих в местных выборах; снижение явки избирателей после отмены прямых выборов глав муниципалитетов. Причем, скорее всего, эти изменения связаны с институциональными факторами: как-то ужесточение требований к документам и к подписям избирателей, необходимых для регистрации кандидатов-самовыдвиженцев и списков партий; характер региональной политики управления электоральными процессами, направленной на отсеивание несогласованных кандидатов еще на ранних стадиях. В то же время, эти усредненные показатели не позволяют судить о конкурентности отдельных избирательных кампаний, степени напряженности борьбы за выборные места в тех или иных муниципалитетах и избирательных округах, а также о реальном интересе избирателей к конкретным выборам и кандидатам.

Обращаясь к технике оценки конкурентности на выборах, важно отметить, одну из самых первых методик, имеющую актуальность и применимость в исследованиях по настоящее время. Эффективное число партий – формула, предложенная М. Лааксо и Р.Таагеперой[18], базируется на оценке конкурентности партий на выборах, что помогает измерить степень фрагментации или монолитности партийных систем:

$$N = \frac{1}{\sum v_i^2}, \text{ где}$$

N – эффективное число партий, v_i – доля голосов / мест, отданных за партию i .

Обращение авторов к этой формуле было обусловлено исследованиями многопартийных систем и пониманием того, что не все партии оказывают влияние на ход выборов и являются значимыми для избирателей. Фактическое участие и влияние на электоральный процесс оказывают так называемое «эффективное число» партий, количество которых меньше, чем номинальных партий, участвующих в выборах. Исследование именно эффективного числа партий, а не номинального, по мнению авторов, позволяет точно определить является ли партия значимой. Если бы все партии обладали равной значимостью, то показатель ЭЧП стремился или равнялся бы числу номинальных партий.

Формула Лааксо и Таагеперы подверглась критике из-за преувеличения роли крупнейших партий, что, в свою очередь, может искажать картину относительно значимости малых партий в расчете «эффективного числа». Х. Молинар, пытаясь преодолеть это искажение, заведомую переоценку роли крупнейшей партии, предложил следующую формулу расчета эффективного числа партий:

$$N_M = N \left(1 - \frac{p_1^2}{\sum_{i=1}^n p_i^2} \right) + 1, \text{ где } p_1 - \text{доля крупнейшей партии.}$$

Несмотря на то, что формула Молинара обладает меньшей дисперсией и уравнивает разрыв между крупнейшей и малыми партиями, она не стала широко распространенной.

Альтернативная формула измерения эффективного числа партий была предложена российским исследователем Г. Голосовым [7]:

$$N = \frac{p}{p - \sum_{i=1}^x \frac{s_i}{s_1} - \frac{s_i^2}{s_1^2}}, \text{ где } x - \text{номинальное количество участников, } s_i - \text{доля голосов каждой партии, } s_1 - \text{доля голосов, партии победителя.}$$

По мнению исследователя, данная формула более точно отражает российские реалии и аналогичные системы, где сложилось очевидное доминирова-

ние одной из политических сил. Однако на местном уровне это доминирование далеко не всегда так очевидно.

В целом, хотя потенциал применения формулы Лааксо и Таагеперы некоторыми исследователями считается ограниченным [7], в первую очередь для определения типа партийной системы, однако, представляется, что она является вполне релевантной для выявления уровня конкурентности, причем, не только партий, но и кандидатов. В данном случае, предпринята попытка применения данной методики для выявления и оценки конкурентности кандидатов и партий на выборах в представительные органы власти на локальном уровне в Пермском крае. Тогда в нашем случае:

$$\text{ЭЧК} / \text{ЭЧП} = \frac{1}{\sum_{i=1}^n v_i^2}, \text{ где } v(i) - \text{доля голосов, полученных } i \text{ кандидатом, } n - \text{число номинальных кандидатов.}$$

ных i кандидатом, n – число номинальных кандидатов.

Логика измерения конкурентности в этом случае будет следующей. В предельном случае, когда конкуренция полностью отсутствует и кандидат получил все голоса избирателей, эффективное число кандидатов равняется единице ($\text{ЭЧК}=1$), в противоположном предельном случае, когда все кандидаты получают одинаковое число голосов, эффективное число кандидатов равняется номинальному числу кандидатов ($\text{ЭЧК}=n$), участвующих в выборах. Во всех других промежуточных случаях значение эффективного числа кандидатов будет больше единицы, но меньше числа номинальных кандидатов ($1 < \text{ЭЧК} < n$).

Если $\text{ЭЧК} = n$ (эффективное число кандидатов) совпадает с числом номинальных кандидатов, то конкуренция на выборах максимальна. Если $\text{ЭЧК} = 1$, то формально присутствующие в списке кандидаты никак не конкурируют с кандидатом-лидером, уровень соревновательности отсутствует / минимальный. Чем выше ЭЧК , тем выше фрагментация, проявившаяся на местных выборах в данном округе, чем ниже – тем выше монополизация локальной политики.

Важно отметить, что представляется интересным сопоставить результаты расчетов по формулам Лааксо и Таагеперы с индексом, предложенным Г. Голосовым. Это позволит сделать выводы не только о применимости обеих формул к анализу электоральных данных на местном уровне, но и о специфике и тенденциях конкурентности/монополизации отдельных избирательных кампаний.

Имеется ли специфика в политической конкуренции на местных (муниципальных) выборах? Прежде всего, стоит обратить внимание на так называемый «электоральный масштаб» выборов. Незначительное число избирателей существенно увеличивает вес каждого голоса, особенно это происходит, когда территория муниципалитета «нарезана» на большое количество одномандатных округов. В качестве примера можно привести выборы депутатов думы Чусовского городского поселения третьего созыва, состоявшиеся 8 сентября 2013 г. Территория г. Чусового была поделена на 20 одномандатных округов с числен-

ностью от 1 800 до 2 300 избирателей. Для наглядности приведем в пример округ № 3, где из 2 000 избирателей, внесенных в список, проголосовало 390, что составило 19,5 % явки. При распределении голосов между кандидатами 1 % составил всего, примерно, 4 голоса. Для сравнения на прошедших в 2016 г. выборах в Законодательное собрание Пермского края в округе № 17, в территорию которого входит тот же г. Чусовой, при численности избирателей, примерно в 70 700 человек, но при более высокой явке (около 34 %), 1 % включил в себя 246 голосов избирателей. Соответственно, в первом случае, казалось бы, весьма существенный разрыв между победителем и кандидатом, занявшим второе место, в 20 % составил всего около 70 голосов избирателей, а во втором случае весьма незначительный разрыв для региональных выборов в 3,5 % в действительности составил более 850 голосов. Таким образом, особенно в условиях низкой явки на местных выборах, вес голоса каждого избирателя, отобранированного кандидатом, существенно возрастает. Отсюда неоспоримое преимущество имеют те кандидаты, которые изначально обладают «человеческим ресурсом» в виде избирателей, связанных с ними устойчивыми социальными, экономическими или административными отношениями. Например, к таким кандидатам могут быть отнесены, т.н. «заводчане» – представители предприятия, где работает значительная часть избирателей, объединенных корпоративным единством и «заводской» идентичностью («чусовские металлурги», «соликамские калийщики», «губахинские химики» и т.п.).

Изучение местных выборов, особенно выборов в административных центрах муниципальных районов, показывает, что участие в них представителей градообразующих предприятий или просто крупных для данной территории экономических субъектов (заводов, агрофирм, животноводческих и птицеводческих фабрик, сборочных производств, коммунальщиков, торгового бизнеса и пр.) является привычной, если не обязательной практикой. Помимо них, другой «обязательной» для участия в местных выборах силой являются «муниципалы»: «бюджетники» (представители школ, учреждений культуры, здравоохранения) и/или сотрудники муниципальных бюджетных учреждений (МУПов), т.е. лица, чье благополучие, как правило, зависит от местной администрации. Следует отметить, что «муниципальные» ресурсы немонолитны, к моменту проведения выборов могут накопиться существенные противоречия между поселенческой и районной уровнями власти (как в том же г. Чусовом), что также влияет на качественный состав кандидатского корпуса.

Роль политических партий в локальной политике и местных выборах неизмеримо ниже, чем на региональном уровне. Местные отделения, если они есть, как правило, интегрированы в административные и/или экономические структуры или «распределены» между неформальными группами влияния. Партии используются местными лидерами и политиками, прежде всего, в каче-

стве «электоральных машин», облегчающих вхождение в избирательную кампанию на стадии регистрации и как канал коммуникации с региональными властями и влиятельными региональными политиками.

Все это накладывает отпечаток на характер политической конкуренции на местных выборах, которая не столько имеет отношение к идеологическому противостоянию между сторонниками различных идей и ценностей, сколько связана с борьбой за контроль над местными социальными и экономическими ресурсами, бюджетом.

Одна из главных проблем, которая проявляется на местных выборах – это дефицит кадров, ограниченность состава местных «политиков» и вообще лиц, способных претендовать на депутатские посты. Отсюда, ограниченность конкуренции на местных выборах, прежде всего, проявляется в количестве претендентов на один депутатский мандат. При этом, в идеале хотелось бы, чтобы каждый участвующий в выборах в равной степени претендовал на победу, но, как правило, число реальных претендентов существенно меньше, чем количество участвующих кандидатов. Нередки ситуации, когда преимущество претендентов, или группы претендентов, над остальными участниками настолько велико, что выборы превращаются в формальность, несмотря на большое количество кандидатов. Поэтому *номинальное число кандидатов (n)* – показатель важный, но, скорее, формальный и далеко не демонстрирующий реальную конкуренцию на выборах, учитывая, что часть кандидатов, очевидно, играют техническую либо спойлерскую роль.

На рассматриваемых нами выборах в малых промышленных городах Прикамья (г. Чусовой, 2013 г. – 20 одномандатных округов, г. Соликамск, 2011 г. – 25, г. Лысьва, 2012 г. – 10 округов и 10 мест, распределяемые по партийным спискам, г. Губаха, 2012 г. – также 10 и 10) номинальное число кандидатов большим разнообразием не отличалось и варьировалось от 2 до 5 человек (лишь в одном округе в Соликамске было 6 кандидатов и в одном округе в Лысьве – 7). Средний показатель, количества кандидатов на один депутатский мандат в сравниваемых промышленных городах Прикамья (Лысьва – 4,6; Соликамск – 3,5; Чусовой – 3,1; Губаха – 2,4) лишь в самом приблизительном виде дает представление о наличии конкурентных сил в территории и их примерном количестве [11]. Оно может свидетельствовать о том, имеются ли в городе группировки, способные «закрыть» все или большинство округов своими кандидатами, и о приблизительном количестве таких группировок (предположительно определяемое как среднее $n-1$).

Электоральный разрыв или запас (vote gap) – гораздо более значимый показатель, который демонстрирует степень напряженности политической борьбы на выборах. Он определяет, кто из кандидатов был реальным конкурен-

том победителя и был ли вообще такой конкурент. Показатели разрыва (дельты) могут как существенно отличаться при равном числе кандидатов, так и иметь близкие значения при их разном количестве. Например, в г. Чусовом *vote gap* при четырех кандидатах варьируется от 1,7 до 31,4 %, при трех – от 4,6 до 24,55 %, а при двух – 2,52 до 61,22 %. При этом, с разрывом в очень узком пределе от 1,7 и до 4,16 % оказались округа как с четырьмя, так и с тремя, и с двумя кандидатами. Это говорит о том, что использование лишь одного данного индекса без привязки к другим показателям явно недостаточно для определения степени конкурентности выборов. В то же время интересно, что выведение среднего индекса *vote gap* по всем округам вновь дает некое общее представление о конкурентности территории в целом и о наличии ярко выраженных доминирующих сил: в Лысьве, где в среднем было 4,6 кандидатов на место, – средний *vote gap* составил 9,9 %; в Чусовом, при 3,1 кандидатах на место, – средний *vote gap* 17,4 %; в Соликамске, при 3,5 – 42,7 %; в Губахе, при 2,4 – 62,3 %. В г. Губахе электоральный разрыв варьируется от 46,66 до 84,83 %, что не позволяет ни один из округов обозначить как округ с конкурентными выборами. В г. Чусовом наоборот лишь один округ (№ 19, разрыв 61,22 %) может быть обозначен как абсолютно неконкурентный, а 13 округов, т.е. 2/3, имеют разрыв менее 20 % и еще 6 округов – от 20 до 40 %. В Лысьве все 10 округов уместились в пределе до 21 % разрыва. В Соликамске ситуация выглядит менее равномерной и однозначной: по 6 округов вошли в группу высоко-конкурентных (разрыв от 1 до 20 %) и средне-конкурентных (от 21 до 41 %) территорий, а в 13 округах конкуренция ощущалась крайне слабо или совершенно отсутствовала (запас от 46 до 82 %).

На основе *vote gap* округа могут быть проранжированы по величине разрыва между победителем и основным соперником (см. табл. 2–4). Это позволяет сгруппировать выборы по одномандатным округам в *высоко-конкурентные* (разрыв до 20 %), *среднеконкурентные* (от 20-40 %), *слабо-конкурентные / неконкурентные* (более 40 %) группы. Между тем само по себе ранжирование округов, например, на выборах в депутаты Думы г.Чусового по электоральному разрыву не проясняет характер конкуренции внутри них. Как в первую пятерку по конкурентности, так и в последнюю, входят округа как с номинальным числом в 2, так и в 3, и в 4 кандидата, т.е. все имевшие место варианты. Установить какой-либо зависимости уровня разрыва от количества кандидатов не представляется возможным. Аналогичная ситуация просматривается и в других муниципалитетах. При этом интересно, что на высококонкурентных выборах в г. Лысьве наибольший разрыв между победителем и основным конкурентом был достигнут в округе с наибольшим количеством кандидатов – 7 (округ № 3). Получается, что на пермском примере опровергается тезис, изложенный А. Су-

ховольским в своей статье по материалам выборов в городской Совет г. Красноярска 2004 г. о том, что «при уменьшении числа кандидатов–конкурентов уменьшается и конкуренция, определяемая через разрыв голосов между кандидатом лидером и реальным или виртуальным («против всех») кандидатом, занявшим второе место на выборах» [14, 251]. Хотя далее автор замечает, что коэффициент детерминации, характеризующий тесноту связи между этими показателями, не очень велик.

На примере выборов в г. Чусовом, которые, как мы видим, оказались достаточно конкурентными, также интересно оценить роль политических партий в этом процессе. Оказывается, что в 20 округах своих кандидатов выставили четыре партии: «Единая Россия» – все 20 округов, КПРФ – 6 округов, СР – 2, ЛДПР – 1. Результаты кандидатов от КПРФ оказались крайне скромными – 3–4 места, наилучший результат был показан в 18 округе: 3-е место и 13,25 % голосов. Очевидно, что участие кандидатов от КПРФ существенным образом не повлияло на повышении реальной конкурентности выборов в Чусовскую городскую думу. Выдвиженец от СР смог победить в 9 округе, но победа Дмитрия Сорокина, директора МУП «Ляминское ЖЭУ», определяется, скорее всего, не этим, а близостью к главе муниципального района и размыванием остальных голосов между двумя другими претендентами (одним из которых был выдвинутый ЕР бывший депутат думы и представитель «Чусовского металлургического завода»). Кандидаты от «Единой России» выступили, безусловно, значительно лучше, но весьма неоднозначно: им удалось победить лишь в 10 округах; лишь в 4 округах их преимущество оказалось существенным (более 20 %); в 9 высококонкурентных округах (разрыв менее 20 %) они соперничали за 1–2 места (причем в 3 округах в итоге проиграли), а в 5 округах и вовсе заняли лишь 3–4 места (см. табл. 2, выделение). Дальнейший анализ состава кандидатов показывает, что соперничество шло не между ЕР и некими противостоящими ей оппозиционными силами под видом кандидатов-самовыдвиженцев, а между различными локальными группами влияния и несколькими самостоятельными «игроками». Причем, в разных округах формальный статус «выдвиженца от правящей партии» удалось присвоить представителям различных местных группировок. В результате участие «Единой России» в конкурентных выборах в Чусовском поселении имело преимущественно технологический, а не содержательный характер.

Таблица 2

Таблица 3

**Показатели конкуренции
(ранжирование по разрыву, *vote gap*)
г. Чусовой, 2013**

**Показатели конкуренции
(ранжирование по разрыву, *vote gap*)
г. Губаха, 2012**

Округ	Номинальное число кандидатов, п	Разрыв голосов (<i>vote gap</i>), %
1	4	1,7
15	2	2,52
2	4	3,11
20	3	4,16
7	4	5,67
8	3	7,11
9	4	7,31
12	3	10,68
6	4	10,71
13	2	12,53
16	2	17,74
3	4	18,72
5	3	18,75
18	3	22,2
10	2	24,2
11	3	24,55
4	4	27,86
17	4	31,4
14	2	36,68
19	2	61,22

Округ	Номинальное число кандидатов, п	Разрыв голосов (<i>vote gap</i>), %
1	3	46,66
6	2	48,25
2	2	52,1
3	4	53,45
5	2	56,26
4	3	58,07
10	2	71,46
8	2	72,9
7	2	79,17
9	2	84,83

Таблица 4

**Показатели конкуренции
(ранжирование по разрыву, *vote gap*)
г. Лысьва, 2012**

Округ	Номинальное число кандидатов, п	Разрыв голосов (<i>vote gap</i>), %
7	4	0,1
2	3	5,21
5	5	6,17
6	5	6,87
10	4	7,96
4	5	10,18
9	4	11,66
8	4	14
1	5	16,73
3	7	20,28

Таким образом, без качественного анализа состава кандидатов в конкретных округах и без соотнесения с другими показателями конкуренции само по себе использование номинального числа кандидатов и партий, а также *vote gap* и даже их сочетание не позволяют судить о напряженности выборов.

Другой показатель, который более точно отражает реальную картину происшедшего – это эффективное число кандидатов (ЭЧК) и партий (ЭЧП) [13]. ЭЧК показывает, между каким количеством кандидатов шла реальная политическая борьба, насколько в действительности был широк и разнообразен выбор для избирателя. В интерпретации значений данного индекса рекомендуется исходить из того, что при значении индекса, равного n – номинальному числу кандидатов, число эффективных кандидатов совпадает с числом зарегистрированных, и конкуренция на выборах является максимально возможной. Приближение показателя к 1 означает, что реального выбора у избирателей не было. ЭЧК также демонстрирует, что далеко не всегда увеличение номинального числа кандидатов и сокращение разрыва между первым и вторым претендентами свидетельствует о более высоком уровне конкуренции (на примере г. Чусового можно сравнить значения индекса между 12 и 8 округами, где было выдвинуто по 3 кандидата, а также между 6 и 3 округами, где было по 4 кандидата; см., табл. 5). Тем самым, индекс ЭЧК фиксирует влияние на конкуренцию всех участников выборов, а не только кандидатов, занявших 1–2 места. Увеличение числа кандидатов, как правило, приводит к усилению конкурентности выборов, но это усиление не имеет линейного характера. Более того, с ростом числа номинальных кандидатов среди них увеличивается доля технических кандидатов, кандидатов «просто отбывающих номер».

Таблица 5

**Показатели конкуренции (ранжирование округов по ЭЧК)
г. Чусовой, 2013**

Округ	Номинальное число кандидатов, n	Разрыв (vote gap) голосов, %	ЭЧК
9	4	7,31	3,3
1	4	1,7	3,22
2	4	3,11	3,19
7	4	5,67	3,06
3	4	18,72	2,82
17	4	31,4	2,78
12	3	10,68	2,77
4	4	27,86	2,74

Окончание табл. 5

Округ	Номинальное число кандидатов, n	Разрыв (<i>vote gap</i>) голосов, %	ЭЧК
20	3	4,16	2,69
5	3	18,75	2,41
18	3	22,2	2,4
8	3	7,11	2,23
11	3	24,55	2,11
15	2	2,52	2
13	2	12,53	1,96
16	2	17,74	1,92
10	2	24,2	1,86
14	2	36,68	1,72
19	2	61,22	1,35

Применение ЭЧК позволяет иначе оценить соревновательность применительно к выборам в г. Чусовом и, соответственно, сгруппировать округа на: *неконкурентные* – число реальных претендентов на победу менее одного кандидата; *низко-конкурентные* – два реальных претендента; и *средне-конкурентные* – три реальных претендента на победу.

Анализ электоральной статистики обращает внимание на весьма высокую долю недействительных бюллетеней, которая, как правило, фигурирует на местных выборах. Нередко она существенно больше аналогичных показателей на региональных и местных выборах. Российские исследователи обратили внимание на рост этого показателя после того как в 2005–2006 гг. была отменена графа «против всех», которая устойчиво связывалась с формой протестного голосования.

Как известно, у любого избирателя есть три основных возможности для своего поведения в день голосования: 1) принять участие в выборах, выразив поддержку одной из кандидатур или партий; 2) прийти и выразить несогласие ни с одной из предложенных кандидатур или партий (проголосовать «против всех», если такой вариант голосования имеется, испортить бюллетень или унести его с собой); 3) не ходить на выборы, не голосовать. Эти три формы поведения избирателя соответствуют трем основным моделям поведения потребителя на рынке на ухудшение качества услуг, в свое время описанным А. Хиршманом и получившим затем распространение в политических исследованиях: «лояльность» (*loyalty*), «протест» (*voice*) и «уход» (*exit*) [16]. Применительно к локальной политике, модель А. Хиршмана предполагает, что члены местного

сообщества, недовольные весьма ограниченным выбором альтернатив (их качественным составом), попытаются публично проинформировать о своем несогласии, заявив свой «протест». После отмены графы «против всех» такая возможность сохранилась преимущественно в виде сознательной «порчи» бюллетеней и сопровождения их различными надписями. Естественная «порча» бюллетеней, в виде случайных ошибок избирателей или непонимания самого способа голосования, обычно не превышает 3–4 %. Превышение же «5 %-ного барьера» недействительными бюллетенями, т.е. участие в выборах с одновременным отказом от всех предлагаемых альтернатив, на наш взгляд, следует рассматривать как выражение недовольства. Особенно это становится показательным на местных выборах, где процедура голосования, казалось бы, не должна вызывать больших сложностей у избирателей. При этом в масштабах местного сообщества, когда «все всех знают», а явка, в силу неверия в дееспособность местных властей что-либо решать, бывает очень низкой, приход на избирательный участок с целью испортить бюллетень, скорее всего, следует интерпретировать именно как проявление протеста.

Данные по числу недействительных бюллетеней на выборах в г. Чусовом наглядно демонстрируют зависимость от ЭЧК и разрыва голосов. Чем меньше эффективное число кандидатов и очевиднее доминирование одного из них, тем больше испорченных бюллетеней. В 6 округах «недействительные бюллетени» опередили одного из конкурентов (см. табл. 6, выделение), еще в 7 округах их отставание от одного из кандидатов составило менее 5 %.

Таблица 6

**Показатели конкуренции
(ранжирование по % недействительных бюллетеней)
г. Чусовой 2013**

Округ	Номинальное число кандидатов, n	Разрыв голосов, %	ЭЧК	Недействительные голоса, %
1	4	1,7	3,22	3,55
7	4	5,67	3,06	5,22
9	4	7,31	3,3	5,53
17	4	31,4	2,78	5,8
4	4	27,86	2,74	6,47
5	3	18,75	2,41	7,37
2	4	3,11	3,19	7,78
3	4	18,72	2,82	7,95
8	3	7,11	2,23	8,18

Окончание табл. 6

Округ	Номинальное число кандидатов, n	Разрыв голосов, %	ЭЧК	Недействительные голоса, %
14	2	36,68	1,72	8,58
20	3	4,16	2,69	8,77
11	3	24,55	2,11	9,01
6	4	10,71	2,73	9,18
18	3	22,2	2,4	9,33
13	2	12,53	1,96	9,87
15	2	2,52	2	10,1
19	2	61,22	1,35	11,84
12	3	10,68	2,77	11,92
10	2	24,2	1,86	12,6
16	2	17,74	1,92	13,3

Таким образом, на местных выборах при невысокой явке, большего веса каждого голоса, при небольшом количестве кандидатов и в силу более тесной связи избирателей с ними, возможность испортить бюллетень, сделать его недействительным превращается в одну из реальных альтернатив при голосовании, а фактически еще в одного «кандидата» (в некоторых округах на выборах в г. Чусовом такой «кандидат» получил по 50–70 голосов). Поэтому представляется, что для оценки конкурентности местных выборов эффективное число кандидатов должно учитывать число недействительных бюллетеней – ЭЧК (n) (см. табл. 7).

Таблица 7

Показатели конкуренции (ранжирование по ЭЧК(n)) г. Чусовой 2013

Округ	Номинальное число кандидатов, n	Разрыв голосов, %	ЭЧК	Недействительные голоса, %	ЭЧК(n) (с учетом недействительных)
2	4	3,11	3,19	7,78	3,68
9	4	7,31	3,3	5,53	3,66
1	4	1,7	3,22	3,55	3,46
12	3	10,68	2,77	11,92	3,4
7	4	5,67	3,06	5,22	3,37
3	4	18,72	2,82	7,95	3,26
6	4	10,71	2,73	9,18	3,22
20	3	4,16	2,69	8,77	3,15

Окончание табл. 7

Округ	Номинальное число кандидатов, п	Разрыв голосов, %	ЭЧК	Недействительные голоса, %	ЭЧК(н) (с учетом недействительных)
4	4	27,86	2,74	6,47	3,09
17	4	31,4	2,78	5,8	3,09
18	3	22,2	2,4	9,33	2,86
5	3	18,75	2,41	7,37	2,78
8	3	7,11	2,23	8,18	2,6
11	3	24,55	2,11	9,01	2,5
16	2	17,74	1,92	13,3	2,44
15	2	2,52	2	10,1	2,41
13	2	12,53	1,96	9,87	2,35
10	2	24,2	1,86	12,6	2,34
14	2	36,68	1,72	8,58	2,03
19	2	61,22	1,35	11,84	1,69

При этом, «кандидат недействительные бюллетени», естественно, «кандидат неполноценный», на что указывает и корректировка индекса. Применительно к чудовскому случаю ЭЧК (н) отличается от ЭЧК в диапазоне от 0,24 до 0,63. Это позволяет, на наш взгляд, на 0,5 пункта внести коррективы в группировку округов с точки зрения их соревновательности: *неконкурентные округа* – до 2,5 кандидата на округ, *слабоконкурентные* – до 3,5 кандидата, *среднеконкурентные* - выше 3,5. (см. табл. 7).

Сравнение полученных рейтингов и группировок округов по разным показателям демонстрирует, что рейтинг по ЭЧК(н) проявляет большую требовательность к соревновательности между кандидатами.

Таблица 8

Соотношение рейтингов конкурентности округов, г.Чусовой, 2013

Номер п/п	Рейтинг конкурентности по vote gap	Рейтинг конкурентности по ЭЧК	Рейтинг конкурентности по ЭЧК (н)
1	1	9	2
2	15	1	9
3	2	2	1
4	20	7	12
5	7	3	7

Окончание табл. 8

Номер п/п	Рейтинг конкурентности по vote gap	Рейтинг конкурентности по ЭЧК	Рейтинг конкурентности по ЭЧК (н)
6	8	17	3
7	9	12	6
8	12	4	20
9	6	6	4
10	13	20	17
11	16	5	18
12	3	18	5
13	5	8	8
14	18	11	11
15	10	15	16
16	11	13	15
17	4	16	13
18	17	10	10
19	14	14	14
20	19	19	19

Выборы в Чусовскую городскую думу в 2013 г. привели к тому, что в 2/3 округов (14 из 20) победили прямые представители «Чусовского металлургического завода», либо его смежных производственных структур. Из 83 зарегистрированных кандидатов 42 напрямую представляли завод: 34 кандидата были работниками ОАО «Чусовской металлургический завод» (градообразующее предприятие) и ОАО «Трубодеталь» (структура, сформированная для строительства трубно-сталеплавильного комплекса), и 8 кандидатов представляли подконтрольные заводу структуры [12]. Основными соперниками «заводчан» выступали представители двух «муниципальных» групп влияния: администрации Чусовского района (на протяжении 11 лет до 2016 г. глава района Николай Симакин) и администрации г. Чусового (неоднократный глава Виктор Бурьянов). В некоторых округах конкуренцию «заводчанам» также смогли создать местные предприниматели, бизнесмены, связанные с местным отделением РЖД. Причем интересно, что в нескольких округах представители завода «конкурировали» друг с другом и далеко не во всех случаях победили те, кто должны были победить.

Использование данной методики анализа конкурентности в других промышленных городах Прикамья (Соликамск, Лысьва, Губаха) подтверждает ее обоснованность.

В Соликамске в 2011 г. промышленные предприятия, хотя и проявили некоторый интерес к участию в местных выборах, но не ставили перед собой задачу установить полный контроль над легислатурой. Из 25 округов сотрудники трех ведущих крупных предприятий (ОАО «Соликамскбумпром», ПАО «Уралкалий», ОАО «ВСМПО-АВИСМА») прошли лишь в девяти округах (табл. 9, выделение). Причем, округа, в которых они были представлены, как правило, не отличались высокой конкурентностью.

Таблица 9

**Показатели конкуренции (ранжирование по ЭЧК(н)
г. Соликамск 2011 г.**

Округ	Номинальное число кандидатов, n	ЭЧК(н) (с учетом недействительных)
21	5	3,65
23	5	3,19
15	6	3,18
6	5	2,81
9	4	2,76
2	5	2,62
1	3	2,6
5	4	2,48
8	3	2,35
22	4	2,17
24	4	2,1
7	3	2,03
16	3	2
11	2	1,99
10	3	1,84
14	5	1,83
20	3	1,83
17	4	1,75
13	3	1,71
25	2	1,49
4	2	1,48
19	3	1,44

Окончание табл. 9

Округ	Номинальное число кандидатов, п	ЭЧК(н) (с учетом недействительных)
18	3	1,4
12	2	1,39
3	2	1,28

Наиболее конкурентные выборы (из рассматриваемых) состоялись в г. Лысьве, поскольку в новообразованном городском округе приняли участие представители нескольких местных элитных групп влияния и нескольких лысьвенских заводов. Промышленные предприятия являются лишь одними из местных акторов, причем находятся далеко не на ведущих ролях. В итоге два ведущих предприятия ОАО «ЭлектротяжмашПривод» и ЗАО «ЛМЗ» смогли провести шесть своих представителей в 10 одномандатных округах, причем эти победы были ими одержаны в остро конкурентной борьбе (табл. 10, выделение). Два округа (4 и 6) могут быть отнесены к *высоко-конкурентным*.

Таблица 10

Показатели конкуренции (ранжирование по ЭЧК(н) г. Лысьва

Округ	Номинальное число кандидатов, п	ЭЧК(н)
6	5	5
5	5	4,88
1	5	4,22
3	7	4,18
7	4	4,16
8	4	3,92
4	5	3,81
10	4	3,68
9	4	3,19
2	3	2,6

В г. Губахе ситуация была прямо противоположной. В составе городской думы г. Губахи 8 человек из 10 депутатов, победивших в одномандатных округах, представляли крупные предприятия: ОАО «Метафракс» и «Губахинский кокс», но конкуренция на выборах в думу была чрезвычайно низкая. Все победители добились успеха за явным преимуществом. Можно утверждать, что в локальной политике г. Губахи сложилась система с очевидным доминированием градообразующих предприятий. Именно для исследования выборов в подобного рода монополизированных одним актором муниципалитетах, на наш взгляд, более применима формула Григория Голосова, которая точнее отражает

ситуацию с конкурентностью, а конкретнее, судя по полученным результатам, с ее полным отсутствием в таких территориях (табл. 11).

Таблица 11

Показатели конкурентности г. Губаха

Округ	Номинальное число кандидатов, n	ЭЧК по Лааксо	ЭЧК по Голосову
1	3	1,75	1,05
2	2	1,48	1,04
3	4	1,64	1,04
4	3	1,67	1,03
5	2	1,47	1,04
6	2	1,56	1,06
7	2	1,18	1
8	2	1,4	1,01
9	2	1,13	1
10	2	1,25	1,02

Таким образом, местные выборы вполне поддаются статистическим приемам анализа конкурентности, при этом для выяснения ее природы электро-ральную статистику необходимо сочетать с качественным анализом персонального состава участников выборов в конкретных округах и партийных списках. В том числе, следует обращать внимание на тех, кто был отсеян на ранних стадиях избирательной кампании. Представляется, что реальная конкуренция на местных выборах определяется не количеством участвующих кандидатов и формальным представительством партий в этом процессе, а качеством кандидатов – представительством существующих в территории административных, экономических, этнических и иных групп влияния.

Библиографический список

1. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2008. С. 363–824.
2. Официальный информационный ресурс Избирательной комиссии Пермского края. URL: <http://permkrai.izbirkom.ru/way/949947.html>.
3. *Vanhanen T.* Dependence of Power on Resources: A Comparative Study of 114 States in the 1960's. / University of Jyväskylä, Institute of Social Sciences. – Jyväskylä: 1971; *Vanhanen T.* Power and the Means of Power: A Study of 119 Asian, European, American, and African States, 1950-1975. / Centre for the Study of Developing Societies, Delhi. Ann Arbor: University Microfilms International.

- 1979.; *Vanhanen T.* The Emergence of Democracy: A Comparative Study of 119 States, 1850–1979. 1984.; *Ванханен Т.* (2005). Демократизация в сравнении (Лекция 29 нояб. 2005 г.) / Русские чтения // Институт общественного проектирования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.inop.ru/reading/vanhanen/>.
4. *Витковская Т.Б.* Локальная политическая элита современной России: Характерные особенности и трансформация // Политическая наука: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. М., 2008. № 3; Локальная политика, местное самоуправление: Российский и зарубежный опыт. М., 254 с.
 5. Всего в Пермском крае создано около 359 муниципальных образований, в рамках которых формируются представительные органы власти и проводятся местные выборы.
 6. Выборы губернатора Пермского края намечены на ЕДГ в 2017 г.
 7. *Голосов Г.* Мир партийных систем и партийные системы мира [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/06/partyism/>. (дата обращения: 15.09.2016).
 8. Материалы круглого стола о локальной политике. Пермь, 22-23 мая 2014 г.
 9. Муниципальные выборы и электоральный авторитаризм в России // Политическая наука: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. М., 2008. № 3: Локальная политика, местное самоуправление: Российский и зарубежный опыт. 254 с.
 10. Демократический аудит регионов: предварительные результаты. М., 2006: Ин-т «Общественная экспертиза». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml>; Региональные политические поля России: сравнительный анализ (26 янв. 2006 г.) / Семинар «Полития» // Полития. [Электронный ресурс]. URL: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/42; *Орешкин Д.* География электоральной культуры и цельность России // Полис. 2001. № 1. С. 73–93.; *Орешкин Д., Орешкина Д.* География электоральной культуры России // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 20–34.; *Тикунов В., Орешкина Д.* «Управляемая демократия» российский вариант // Со-Общение. 2000. № 11–12. С. 61–65 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soob.ru/n/2000/11-12/a/10>.
 11. Необходимо учитывать, что не менее одного кандидата в округе, как правило, выполняет «важную» роль чисто технического кандидата, чтобы выборы обязательно состоялись.
 12. Подробнее см.: *Витковская Т.А., Рябова О.А.* Корпоративные лоббисты в депутатских собраниях (на материалах моногородов Пермского края) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость: сб. науч. ст. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Екатеринбург, 2016.

13. Показатель эффективного числа партий (effective number of party votes, ENPV) М. Лааксо и Р. Таагеперы (Laakso, Taagepera 1979) дает наглядную оценку того, сколько партий «на самом деле» соревнуются на выборах и сколько «на самом деле» возможностей для выбора имеется у избирателя. // *Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 12 (1). P. 3–27.*
14. *Суховольский А.В.* Методы оценки уровня конкуренции на выборах (на примере местных выборов в г. Красноярске) // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. С. 249–252.
15. *Титков А.С.* Индекс демократии на региональном и субрегиональном уровне (на примере России и Пермского края) // *Методология и теория исследований локальной политики: сб. ст. Пермь, 2014.*
16. *Хиришман А.О.* Выход, голос и верность: Реакция на упадок фирм, организаций и государств. М.: Новое издательство, 2009.
17. *Шульман Е.* Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды // *Slon Magazine – онлайн-журнал об экономике и политике. 2015. 3 март. [Электронный ресурс]. URL: <https://slon.ru/posts/48948>.*
18. *Laakso M., Taagepera R.* The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies. 1979. April. P. 3–27.*

THE METHOD FOR ANALYZING THE COMPETITIVENESS AT LOCAL ELECTIONS TO LEGISLATIVE BODIES (A CASE STUDY OF INDUSTRIAL “SMALL TOWNS” IN THE PERM REGION)

V. S. Kovin

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
Department of Research on Political Institutions and Processes,
Perm Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

R. I. Petrova

Master of Political Science, Senior Laboratory Researcher,
Department of Research on Political Institutions and Processes,
Perm Scientific Center of the Ural Branch of the RAS,
Assistant, Department of Political Science, Perm State University

Using the method of calculating the effective number of parties / candidates, the authors of the article analyze the level of competitiveness at local elections. The research is focused on industrial "small towns" of the Perm region: Lysva, Gubakha, Chusovoy, Solikamsk. The correlation between quantitative and qualitative indicators of the competition between candidates / parties at elections is shown.

Keywords: competitiveness; effective number of parties; local elections; small industrial towns.

References:

1. Schumpeter J. *The theory of economic development. Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow, Eksmo, 2008. P. 363–824. (In Rus.).
2. Official website of the Election Commission of the Perm Region. Available at: <http://permkrai.izbirkom.ru/way/949947.html>. (In Rus.).
3. Vanhanen T. *Dependence of Power on Resources: a Comparative Study of 114 States in the 1960s*. Jyväskylä, University of Jyväskylä, Institute of Social Sciences, 1971. (In English).
4. Vanhanen T. *Power and the Means of Power: a Study of 119 Asian, European, American, and African States, 1950–1975*. Delhi, Centre for the Study of Developing Societies; Ann Arbor, University Microfilms International, 1979.
5. Vanhanen T. *The Emergence of Democracy: a Comparative Study of 119 States, 1850–1979*. 1984.
6. Vanhanen T. Democratization in comparison (Lecture of November 29, 2005) / Russian readings. *Institute of Public Engineering*. Available at: <http://www.inop.ru/reading/vanhanen/>.
7. Vitkovskaya T.B. Local political elite of modern Russia: characteristics and transformation. *Political Science*. Collection of scientific papers. Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION). Center for Sociological Research. Moscow, 2008. № 3. Local policy, self-government institutions: Russian and foreign experience. 254 p. (Rus.).
8. Всего в Пермском крае создано около 359 муниципальных образований, в рамках которых формируются представительные органы власти и проводятся местные выборы.
9. Выборы губернатора Пермского края намечены на ЕДГ в 2017 г.
10. Golosov G. *The world of party systems and party systems of the world*. Available at: <http://polit.ru/article/2011/04/06/partyism/>. (accessed 15.09.2016). (In Rus.).
11. *Proceedings of the Round Table Conference on Local Policy*. Perm, 22–23 May 2014. (In Rus.).
12. Municipal elections and electoral authoritarianism in Russia. *Political Science*. Collection of scientific papers. Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION). Center for Sociological Research. Moscow, 2008. № 3. Local policy, self-government institutions: Russian and foreign experience. 254 p. (In Rus.).
13. *Democratic audit of regions: preliminary results*. Moscow, 2006. The "Public Expertise" Institute. Available at: <http://www.freepress.ru/publish/publish043.shtml>. (In Rus.).

14. The regional political fields of Russia: comparative analysis. 26 Jan. 2006. Seminar «Politeia». *Politeia*. Available at: http://www.politeia.ru/politeia_seminar/10/42. (In Rus.).
15. Oreshkin D. The geography of electoral culture and integrity of Russia. *Polis. Political Studies*. 2001. № 1. P. 73–93. (In Rus.).
16. Oreshkin D., Oreshkina D. The geography of electoral culture in Russia. *Social Sciences and Modernity*. 2006. № 5. P. 20–34. (In Rus.).
17. Tikunov V., Oreshkina D. «Manageable Democracy»: Russian variant. *So-obshchenie*. 2000. № 11–12. P. 61–65. Available at: <http://www.soob.ru/n/2000/11-12/a/10>. (In Rus.).
18. Необходимо учитывать, что не менее одного кандидата в округе, как правило, выполняет «важную» роль чисто технического кандидата, чтобы выборы обязательно состоялись.
19. Vitkovskaya T.A., Ryabova O.A. Corporate lobbyists in deputy meetings (a case study of the Perm Region's mono-cities. *Sociology and society: social inequality and social justice*. Collection of scientific articles. Proc. of V All-Russian Sociological Congress. Ekaterinburg, 2016. (In Rus.).
20. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: A Measure with Application to Western Europe. *Comparative Political Studies*. 1979. № 12 (1). P. 3–27. (In English).
21. Sukhovolskiy A.V. Methods for estimating the competition level at elections (a case study of local elections in Krasnoyarsk). *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta imeni akademika M. F. Reshetneva (Vestnik SibGAU)*. P. 249–252. (In Rus.).
22. Titkov A.S. The democracy index at the regional and sub-regional level (a case study of Russia and the Perm Region). *Methodology and theory of local policy research*: Proc. of Sci. and Pract. Conf. of Young Specialists. Perm, 2014. (In Rus.).
23. Hirschman A.O. *Exit, voice and loyalty: responses to decline in firms, organizations, and states*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2009. (In Rus.).
24. Shulman E. Authoritarian regime: mutants, bastards, hybrids. *Slon Magazine*. 2015. 3 March. Available at: <https://slon.ru/posts/48948>. (In Rus.).
25. Laakso M., Taagepera R. The «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979. April. P. 3–27. (In English).